

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.70>

Мещанский Александр Юрьевич, Савелова Любовь Анатольевна

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДРАМАТУРГИИ О. БОГАЕВА

Предмет анализа - аксиологическая составляющая содержательной структуры драматургических текстов О. Богаева. В статье представлены результаты изучения пьес "Русская народная почта", "Кто убил мсье Дантеса", "Сансара" и "Телефункен", показаны характерные для автора художественные приемы изображения сдвигов в системе ценностных ориентиров современного российского общества. Аксиологическая направленность драматургии О. Богаева представляет интерес для осмысления трансформации межличностных отношений и формирования нового ценностного вектора в современном обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/70.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 332-336. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 07.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.70>

Предмет анализа – аксиологическая составляющая содержательной структуры драматургических текстов О. Богаева. В статье представлены результаты изучения пьес «Русская народная почта», «Кто убил мсье Дантеса», «Сансара» и «Телефункен», показаны характерные для автора художественные приемы изображения сдвигов в системе ценностных ориентиров современного российского общества. Аксиологическая направленность драматургии О. Богаева представляет интерес для осмысления трансформации межличностных отношений и формирования нового ценностного вектора в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: современная новая драма; творчество О. Богаева; русская литература; российское общество; социально-бытовая проблематика; аксиологический кризис.

Мещанский Александр Юрьевич, к. филол. н., доцент

Савелова Любовь Анатольевна, д. филол. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
a.meshchanskiy@narfu.ru; savelova.lub@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДРАМАТУРГИИ О. БОГАЕВА

Пьесы Олега Богаева, участвующие в формировании эстетического пространства современной отечественной драматургии, относятся к так называемой «уральской» волне экспериментальной «новой драмы», предтечей и вдохновителем которой является драматург, заслуженный деятель искусств РФ Н. Коляда. Концептуальную основу «уральской школы драматургии» структурируют апокалиптические мотивы и настроения, акцентирование проблем социальной «чернухи» и деградации нравов. По замечанию С. Васильевой, для эстетики современной уральской драматургии характерна «драма отчуждения», отражающая картину распада нравственных ценностей и разрушения мира» [7, с. 63]. Это скорее не специфическая особенность данного ответвления, а интегральная для современного этапа литературно-театрального процесса доминанта, поскольку процитированная характеристика подойдет для репрезентации концептуально-содержательного потенциала отечественной «новой драмы» рубежа XX-XXI вв. в целом: «...“новая драма” при всем своем сюжетном многообразии вполне укладывается в прокрустово ложе между болевой, шоковой и игровой линиями своего повествования» [8, с. 41]. В связи со сказанным актуальным представляется аналитическое рассмотрение драматургического творчества современных авторов в аспекте трансформации ценностного восприятия действительности обществом в наши дни. Именно драматургическая форма произведения позволяет дискурсивно запечатлеть своеобразие эпохи в разных его проявлениях.

Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении и описании специфики аксиологической составляющей модально-оценочного плана текстов пьес О. Богаева. Основные задачи при этом видятся в том, чтобы дать представление о типологических характеристиках героя его произведений и очертить проблематику текстов пьес, показав ее социально-нравственную природу и роль в концептуализации авторской интерпретации сдвигов в системе ценностей, регулирующих жизнь современного общества.

Обращение к малоизученным произведениям драматурга, получившего признание широкой читательской и зрительской аудитории, сообщает данному исследованию научную новизну, которая подкрепляется стремлением рассмотреть его пьесы в свете межтекстового взаимодействия.

Радикализм современной драматургии превращает её в драматургию протеста, открыто заявляющую о том, что в «стране идет война, что многие люди живут очень бедно и очень плохо, что молодежь в опасности» [15, с. 91]. Эта ясная мысль недавно скончавшегося драматурга М. Угарова стала своеобразным творческим вектором для многих авторов «новой драмы», запечатлевших в своих пьесах процесс распада в изменяющемся мире не только страны, общества, но и морально-этических традиций, человеческих отношений.

В центре внимания пьес Богаева – судьба «маленького» провинциального человека, не приспособленного к темпу современной жизни и, по сути, оказывающегося в ней лишним. Сценический мир автора предстает в фантазмагорическом ракурсе, высвечивающем болевые, злободневные проблемы российской действительности в обличительно-сатирическом модусе. Проблематика большинства пьес связана с кризисной обстановкой последних десятилетий, выражающейся в девальвации социально-нравственных императивов личности, когда застойная бедность и социальная апатия поразила миллионы людей. Однако ошибочно было бы полагать, что все содержание драматургических текстов детерминировано исключительно нагнетанием мирских печалей. Концептуально-содержательный потенциал пьес Богаева определяется смыслообразующей функцией онтологически значимых элементов создаваемых им текстов. Прежде всего, это извечные вопросы жизни и смерти, добра и зла, бытия и небытия, смысла жизни. Как писал сам автор, «правда жизни не в том, что мы видим, а в том, чего не замечаем... когда я сочинял пьесы, я думал о простых вещах и о том, почему человек их делает сложными: о любви, о счастье, об одиночестве» [4, с. 3-4].

Сценический мир Богаева – это мир, где представление о человеке, смысле и правде перевернулось на сто восемьдесят градусов. Большинство героев его пьес «не подходят» этому миру, не могут понять

или принять царящих в нем взаимоотношений. Таков герой эпистолярной пьесы «Русская народная почта» Иван Сидорович Жуков (полный тезка Ваньки Жукова из рассказа А. Чехова), который подобно своему литературному предшественнику пишет письма без ответа. Вообще, мотив безответного письма весьма распространен в русской литературе. Вспомним гоголевского Поприщина из «Записок сумасшедшего», который, как и чеховский Ваня, умоляет близкого человека «забрать отсюда» домой: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его большую головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете!» [10, с. 274].

Этот мотив не потерял своей актуальности и в новейшей отечественной литературе, в которой он тесно связан с темой тотального одиночества человека, его отчужденности от окружающего мира, самого себя и даже Бога. В частности, лирический герой поздней лирики А. Вознесенского пишет Богу уже электронные письма, которые вновь не находят своего адресата:

«Весь ужас жизни и надежды
на утешительный ответ
я Богу сбрасываю на пейджер.
Ответа нет» [9, с. 7].

В подтексте писем – осмысление ценности личности. Центральная тема пьесы – трагедия самоидентификации, разочарование в попытке осознания себя человеком в эпоху, когда, говоря словами поэта Б. Слуцкого, «люди сметки и люди хватки победили людей ума» [13, с. 193]. В переписке, которую ведет пенсионер Иван Сидорович с самим собой, художественно модифицируется прием диалектики души, раскрывающий психологические противоречия между желаемым и возможным. В основе сюжета пьесы – столкновение мечты с реальностью, когда так и несбывшиеся надежды главного героя сталкиваются с серой, убогой действительностью. В письмах от якобы нашедших его одноклассников проявляются мечты героя на счастливую жизнь: «Всё у нас дешево, добротно, на совесть и радует глаза. Люди на улицах себя уважают, не пихаются, улыбаются приезжим. Воровства нет, про бедноту читаем только в старых книгах. Начальство не имеет наглости и политику не хочет» [4, с. 57]. Письмо королевы Англии «дышит» любовью к далекому русскому принцу, а в письме от воображаемого космонавта, увидевшего Жукова с орбиты, просматривается аллюзия к гоголевскому Башмачкину, с которым богаевского персонажа роднит не только мечта о теплой шинели, но и тоска о теплоте человеческих отношений: «У вас, почтенный Иван Сидорович, лёгонькое пальто. В таком пальто уже ходить прохладно. На орбите все переживают за ваше здоровье» [Там же, с. 78]. Однако в эпистолярной иллюзии периодически прорывается экзистенциальная тоска, порожаемая разочарованием героя в смысле своего существования: «Чего добился жизнью своей? Обосрался на старости лет... Жил, как кастрированный заяц, как поросёнок купался в говне, хлебал ложкой грязь советскую» [Там же, с. 74]. Внутренний монолог старика Жукова, который он ведет с помощью писем, перемежается снами, в которых он видит своих адресатов (чеховский Жуков тоже, как мы помним, видит во сне читающего письмо дедушку). Но, в отличие от «сладкого» сна мальчика Вани, в снах Ивана Сидоровича обостряется типичный для России квартирный вопрос. Герои его писем начинают делить сырую, однокомнатную, изъеденную клопами квартиру – все, что осталось после семидесяти пяти лет жизни человека. Именно квартирные проблемы получают в пьесе Богаева статус своеобразного параметра национальной идентичности («Я человек русский – у меня унитаза течёт» [Там же, с. 71]). Пограничное состояние между явью и сном обрывается закономерным финалом – переходом из сна в небытие. Кальдероновская тема «жизнь есть сон» в пьесе «Русская народная почта» завершается пробуждением от бессмысленной жизни с помощью смерти, которая пишет Ивану Сидоровичу последнее письмо, замыкающее цепочку «жизнь – сон – смерть – свобода». Старый ветеран получает такую же свободу среди «океана звезд», какую обрел булгаковский Понтий Пилат после крика Мастера, завершающего его роман: «Свободен! Он ждёт тебя!» [5, с. 552].

Тема освобождения или, точнее, бегства из русского бытия получает своеобразное развитие в пьесе «Кто убил мсье Дантеса». Действие пьесы развивается в конце XX в., в Париже, куда со съёмочной группой прилетает из Чикаго профессор филологии Александр Сергеевич Пушкин, потомок поэта. Его цель – снять авторский фильм, посвященный жизни и творчеству великого предка. «Изюминкой» документального проекта станет дуэль, которая произойдет между ним и потомком Дантеса. Ожидаемые контракты и кассовые сборы должны обогатить Пушкина. Препятствием к реализации «гениальной» задумки становится маргинальный вид современного Дантеса, не имеющий ничего общего с «блестящим» обликом знаменитого французского кавалергарда («кто нам поверит?...» [2]). Перед Пушкиным встает сложная задача – «привести в порядок» своего дуэльного противника. Александр Сергеевич следит за питанием Дантеса, дает деньги на приличную одежду, даже снабжает дорогими сигаретами: «Дуэль обязательно состоится! Прошу выглядеть соответственно. Костюм, галстук, шляпа, улыбка! Вам всё ясно?» [Там же]. Пушкин в богаевской пьесе оказывается типичным представителем современной эпохи, в которой различные массмедиа усиленно тиражируют успешный образ человека, нацеленного на гедонистическо-потребительское отношение к жизни. Как отмечает В. В. Валуевских, «теперь одним из главных параметров оценки людей стали внешность и внешние формы» [6, с. 366]. Автор в процессе создания своей пьесы использовал популярный в мировой драматургии прием “quid pro quo” («одно взамен другого»): прагматичный нигилист Пушкин, исповедующий принципы постмодернистского консюмеризма, вызывает к барьеру бессребреника Дантеса, проявляющего неподдельный интерес к России и русской идее:

«Пушкин. Россию трудно терпеть больше недели. “Душа, доброта, сердечность”... Одни разговоры. Бесилие умственных способностей – факт географический. Уверяю, барон, если бы предки мои остались в России, сидел бы перед вами маргинальный скот...»

Дантес. Что он говорит?» [2].

Дантес воспринимает Пушкина как «сытую рожу», для которой поэзия – это «посткультурный ящик». В рассуждениях потомка поэта о литературе Богаев воплотил мысли о кризисе современной культуры, выразившемся в искусстве постмодернизма. Так, Жиль Липовецки в своей книге «Эра пустоты» представляет картину постмодернистского состояния европейской культуры в аспекте таких социально-психологических явлений, как персонализация, нарциссизм, безразличие, жестокость: «Постмодернистское общество больше не имеет ни идиологов, ни запретов; у него нет ни величественных образов, в которых оно видит себя, ни исторических замыслов, которые мобилизуют массы. Отныне нами правит пустота, однако такая пустота, которая не является ни трагической, ни апокалиптической» [11, с. 23-24]. Безразличие богаевского Пушкина к жизни другого человека (а в финале пьесы – и к своей) – это художественная проекция утраты прежних ценностных ориентиров и несформированности новых, что коррелирует с релевантными постмодернистскими содержательными доминантами современной литературы (разочарование в гуманизме и защитной силе цивилизации, дезактуализация понятия истины, относительный характер восприятия мира, противоречивость позиции автора и т.п.). По сути, в центре внимания пьесы проблема духовной инволюции (и шире – онтологической деструкции) современного человека, утрачивающего глубинный смысл жизни и погружающегося в депрессивное состояние.

Как человек своей эпохи, О. Богаев обращается к одной из актуальнейших проблем рубежа XX-XXI вв. – проблеме одиночества человека, причем, «одиночества в толпе». Одиночество в пьесах автора раскрывается в контексте отчуждения человека от Бога, мира и себя самого. Многие герои драматурга сознательно стремятся уйти в себя, отгородиться от окружающей действительности миром иллюзии, фантазии. Эскапистское сознание богаевских героев является своеобразной спасительной альтернативой настоящему, той общепринятой модели жизни, которая нивелирует личность. О феномене бегства от действительности размышлял профессор Дж. Р. Р. Толкин: «Пораженные недугом современности, мы остро ощущаем, что служим злу. А это вызывает желание бежать – не от жизни, а от современности и от созданного нашими же руками уродства» [14].

Проблема эскапизма современного человека – ключевая в пьесе Богаева с символическим названием «Сансара». Сценическое пространство пьесы ограничено однокомнатной квартирой, хозяйка которой – взбалмошная и озлобленная старуха, ненавидящая людей. Ее дверной звонок находится под электрическим напряжением и опасен для любого, кто приблизится к ее квартире. Жизнь старухи превратилась в круговую оборону против окружающего мира, который она воспринимает как источник личной угрозы: «То воры, то маньяки без перерыва... На улицу выйдешь – тут же разденут, откроешь дверь – заразы убьют... Собаки, из рук колбасу вырывают. Совсем совратился народ» [4, с. 19-20]. Жертвой мании преследования старухи становится женщина (под этой номинацией она и действует в пьесе), пришедшая к ней по объявлению о продаже котят. Потерявшая в один год всех своих родных, она не может смириться с гибелью единственного сына. Встреча с сектантом-кришнаитом дает ей надежду на перевоплощение сына в новом облике: в теле котенка с белым пятнышком на правом ушке. Комичность, абсурдность сложившейся ситуации, когда героини не понимают друг друга (вновь “quid pro quo”), в итоге раскрывает трагическую судьбу двух русских женщин, потерявших всех любимых людей и переживших «переход из одного состояния в другое» – так автор определяет сансару в эпиграфе. Это состояние отрешенности, безумия, когда привычный мир распадается и человеческое бытие утрачивает свою осмысленность.

Старуха и Женщина – своего рода дубликаты, зеркальные взаимоотражения во времени. Пьеса «Сансара» на содержательном и тематическом уровне коррелирует с произведениями других современных драматургов, в частности с пьесами Н. Садур «Замерзли» и Л. Петрушевской «Волк», сюжеты которых так же держатся на диалоге двух женщин с негативным жизненным опытом. Героинь этих пьес объединяет несоответствующая женской природе агрессивность, вызванная нуждой, одиночеством и жестокостью окружающего их мира. Естественная мечта о семье, доме, счастье и детях разбивается о реалии российской действительности, превращающие женщин в безумных старух. У старухи из богаевской пьесы угроза быть убитой неожиданной гостьей за утопленных в ведре котят вызывает лишь сожаление о продуктах питания, которые будут испорчены: «Вот тебе крошка. Ничего не успела... (Плачет) Умру, кому достанутся пельмени»? [Там же, с. 19]. Но за комической ситуацией открывается мучительная рефлексия пожилой женщины, у которой в детстве красные забрали «тягю», а затем она с лихвой разделила все тяготы советской истории: нищая жизнь в колхозе, арест в конце тридцатых годов первого мужа, гибель на фронте второго, жизнь в оккупации и концлагере, послевоенный арест и ссылка на Колыму и постоянное чувство голода, хроническая память о котором бессознательно вынуждает её всю оставшуюся жизнь «гоняться» за макаронами, колбасой, кабачковой икрой, спичками, мылом... Чувство «достойно» прожитой жизни духовно объединяет героинь Богаева, и это солидарное женское ощущение усиливает трагикомический пафос пьесы. Однако идея сансары для героинь пьесы связана с внутренней интенцией перерождения, желанием стать в следующей жизни кем-то или чем-то другим: «... коровой, рыбой, цветком, телевизором, стулом, столом, ветром, снегом, птицей, травой», – только бы «не бабой» [Там же, с. 40-41].

В книге «Судьба России» Н. Бердяев размышлял о том, что за ужасом, испытанным Евгением в «Медном всаднике» А. Пушкина, раскрывается трагедия «маленькой, чувствующей себя раздавленной частной жизни» [1, с. 209]. Аналогичный ужас, ожог жизнью испытывают большинство героев писателя, потерявших контакт с миром, с человеком и с самим собой. Современный театральный критик П. Руднев обратил внимание на то, что для драматургии О. Богаева характерна «тема виктимности героя, статус жертвы, рассказ

о реальности с точки зрения униженного и оскорбленного героя, у которого нет ни желания, ни возможностей изменять мир» [12, с. 450]. Таков герой пьесы «Телефункен» – участковый врач, явившийся по вызову в пустую квартиру. Но вызов не оказался ложным, его сделал радиоприемник, невеста которого «ждет ребенка». Автор вновь обращается к приему фантазмагии, когда действующими лицами пьесы становятся неодушевленные предметы. В диалоге с потомками дворянского рода «Телефункенов» разочаровавшийся в жизни доктор, как заклинание повторяющий фразу об усталости и желании отдохнуть, находит понимание и человечность в отношении к нему. Семейство радиоприемников в процессе общения периодически подбирает для доктора ту мелодию, которая звучит в унисон с его душой. Драматург сознательно реализует в пьесе приём «оживления», проявляющий абсурдность мира, в котором вещи принимают обличье людей, а люди – свойства вещей:

«Доктор. Приятно с вами общаться... Как-то тепло...

Радио. А с людьми?

Доктор. По-разному... Бывают такие мерзавцы... Не то, что разговаривать, смотреть тошно...» [3].

Предметы в пьесе Богаева оказываются как бы на грани персонификации, когда вещи не только обнаруживают человеческие качества, но и обретают душу. Посредством приема «оживления» предметы реального мира могут выполнять функцию оценки, характеристики психологического состояния героя. Парадоксальность сюжетной ситуации заключается в том, что радиоприемники оказываются теми живыми душами, которым доктор может без страха излить собственную. Уставший, одинокий, брошенный женой доктор, рефреном, бессознательно проговаривающий на протяжении всего действия пьесы одну и ту же фразу («Я очень много работаю... Нужно отдыхать» [Там же]), понимает, что трагедия человеческого мира заключается в отсутствии контакта, на который охотно идет семья телефункенов: «Главное – обычный контакт... И неважно, какой он – духовный или электрический... В конце концов, дело не в этом...» [Там же]. Пьеса «Телефункен» – это пьеса о дефиците сострадания и понимания в современном мире. Не случайно героями своих пьес драматург делает, как правило, отверженных, униженных и оскорбленных, не приспособленных к жизни людей.

Авторская модальность драматургии О. Богаева лежит в области депрессивной тональности и актуализирует проблему утверждающейся естественности противоположности, которая меняет вектор интересов современного общества. Эти изменения вызваны расшатыванием нравственной опоры и упрочением прагматически и утилитарно значимых ценностей, влекущих за собой духовное обнищание и душевное истощение человека, потерявшего в пространстве и во времени, сосредоточенного на личных переживаниях и утрачивающего связь с другими людьми, а вместе с этим – способность к милосердию. В структурировании содержательного плана пьес это выражается выведением в центр системы образов типологически сходных героев, дающих обобщенное представление о детерминированности дефицита внутренней культуры и духовной свободы человека внешними обстоятельствами. Описание аксиологической составляющей модально-оценочного плана текстов пьес О. Богаева, основывающееся на анализе проблемного поля его произведений, учитывающее концептуальный смысл образов персонажей и позицию автора в оценочной интерпретации ценностных ориентиров современного общества, в перспективе, на наш взгляд, должно способствовать решению задач в области методологического обоснования интертекстуальной природы современного драматургического текста и высокой значимости аксиологического статуса изображаемого объекта в его содержательной структуре.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
2. Богаев О. Кто убил мсье Дантеса: комедия в двух действиях [Электронный ресурс]. URL: <http://bogaev.narod.ru/doc/dantes.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
3. Богаев О. Телефункен: радиопьеса в одном действии [Электронный ресурс]. URL: <http://bogaev.narod.ru/doc/telef.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
4. Богаев О. А. Русская народная почта: 13 комедий / сост. В. Э. Исаков. Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. 776 с.
5. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Астрель; АСТ, 2010. 571 с.
6. Валуйских В. В. Влияние средств массовой информации и Интернета на развитие современной молодежи // Информационные технологии в работе с одаренной молодежью: сборник статей / под ред. М. И. Бальзаникова, С. А. Пиявского, В. В. Козлова. Самара: СГАСУ, 2015. С. 366-370.
7. Васильева С. С. Пьесы Олега Богаева и проблемы современного драматургического языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2013. Вып. 12. С. 63-74.
8. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох: рубеж XX-XXI веков. М.: Университетская книга, 2009. 272 с.
9. Вознесенский А. А. Избранное. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
10. Гоголь Н. В. Сочинения. М.: Гос. лит. издат., 1953. 578 с.
11. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
12. Руднев П. Драма памяти. Очерки истории русской драматургии. 1950-2010-е. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 496 с.
13. Слуцкий Б. Стихи разных лет. Из неизданного. М.: Советский писатель, 1988. 271 с.
14. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках [Электронный ресурс]. URL: <http://fairypot.narod.ru/story/Tolkien.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
15. Угаров М. Красота погубит мир! // Искусство кино. 2004. № 2. С. 91-92.

AXIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF O. BOGAYEV'S DRAMATURGY

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Savelova Lyubov' Anatol'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Archangelsk
a.meshchanskiy@narfu.ru; savelova.lub@yandex.ru

The subject of the analysis is the axiological component of the content structure of O. Bogayev's dramatic texts. The article presents the results of studying the plays "The Russian National Postal Service", "Who Killed Monsieur Dantes?", "Sansara" and "Telefunken". The author's artistic techniques for depicting changes in the system of values of the modern Russian society are shown. The axiological orientation of O. Bogayev's drama is of interest for understanding the transformation of interpersonal relations and the formation of a new value vector in the modern society.

Key words and phrases: modern new drama; O. Bogayev's creativity; Russian literature; Russian society; social issues; axiological crisis.

УДК 8.82-3

Дата поступления рукописи: 03.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.71>

В статье рассматриваются эссе, вошедшие в сборник З. Прилепина «Летучие бурлаки». Авторы статьи обращают внимание на осмысление публицистом русской действительности, своеобразную подачу материала, предлагаемые им пути разрешения проблем. Подчеркиваются его глубокая сопричастность к происходящему в России, убежденная почвенность. Выявляются русские культурные коды, отмечается самобытность русской жизни. Установлено, что определяющим условием развития страны являются смена элит, определение национальной идеи. Делается акцент на необходимости уважения своей истории, сохранении имперской самоидентичности.

Ключевые слова и фразы: З. Прилепин; сборник «Летучие бурлаки»; русскость; авторская позиция; почвенность; самоидентификация; культурный код; национальная идея.

Нарбекова Оксана Владимировна, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
oksanaa-n@mail.ru

Начёрная Светлана Владимировна, к. филол. н., доцент
Московский экономический институт
svetlana_nachrna@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СБОРНИКЕ З. ПРИЛЕПИНА «ЛЕТУЧИЕ БУРЛАКИ»

Имя Захара Прилепина широко известно в литературной среде, и отношение к нему неоднозначное: одни констатируют, что он «притягателен своей искренностью и прямоотой» [5], другие замечают, что он не только «фигура притягательная», но и «неудобная», поскольку «многих раздражает» [10]. Сборник З. Прилепина «Летучие бурлаки» состоит из статей, опубликованных ранее в периодике. Надо отметить, что статьи после публикации вызывали не только литературный, но и общественный резонанс. Критики стали называть его публицистику «грамотной и резкой» [2], журналисты объяснили это тем, что она «обладает ярко выраженной социальной направленностью» [1]. Позже Прилепин счел уместным и необходимым объединить статьи в один сборник, так как все они так или иначе посвящены осмыслению русской действительности: русской быденной жизни, истории, либеральных, патриотических течений, воспитания, образования, русской ментальности. Все, о чем повествует или рассуждает автор, глубоко его волнует, он сопричастен ко всему, что происходит в России, потому что Россия для него – не геополитическое пространство, не место проживания, а прежде всего Родина. Для истинно русского человека это не просто слово, это самое дорогое, самое святое, что у него есть.

В настоящей работе мы рассмотрим лишь некоторые из статей сборника.

В статье «Скажу о том, о чем верней молчать» Прилепин останавливается на экзистенциальных кодах русскости – русской душе и русском характере. В самом начале публицист обращает внимание на то, что говорить о русской душе, о русском характере с болью, всерьез в настоящее время не принято – прослынешь дураком, чудаком, пособником Кремля на зарплате. Однако и самой русской душе не свойственны громкие заявления о себе: «...русская душа боится говорить вслух» [8]. Русская душа живет тихо, в органической связи с природой. Русская душа не любит принимать глобальных решений, они всегда продиктованы природой, географией. В целом, по Прилепину, Россия никуда не движется: она или в тупике, или движется к тоталитаризму, тогда она пребывает в тоталитарном тупике, и оттуда ее норовят вывести в цивилизацию «доброжелатели», демонстрируя западные красоты. Однако Россия никуда не спешит, «пасется, как на привязи». Отсюда русская душа переживает сложности: «Она либо еще в младенчестве, либо уже раба» [Там же].